

УДК 821. 512. 122: 82-13

МИФОЛОГЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Аймухамбет Ж.А.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, e-mail: a_zhanat@mail.ru

В статье рассматривается проблема мифологема в виде художественного образа-лебедя в лирических произведениях поэта Е. Раушанова. Анализируется мифопоэтическое формирование лебедя как образ в стихотворениях «Картина», «Выстрел лебедя», и на этой основе сделаны выводы.

Ключевые слова: мифологема, сюжет, таинственные силы, образ природы, мифологические сюжеты, мир фей и мир людей, художественное наслоение, художественная деталь, стих-воробей, стих-лебедь, перо лебедя

MYTHOLOGEMES IN MODERN POETRY

Aimukhambet Z.A.

L. Gumilyov Eurasian National University Astana, e-mail: a_zhanat@mail.ru

The article considers the problem of myth in view of the artistic image of a swan in the lyrical works of the poet E. Raushanov. We analyze the formation of a swan as a mythical and poetical image in the poems «Picture», «Shot of a swan», and corresponding conclusions are made.

Keywords: myth, plot, mysterious powers, character of nature, mythological plots, the world of fairy, the world of humans, artistic stratifications, fiction details, verse-sparrow, verse-swan, swan's feather

Мифологизм в литературе, мифопоэтика берут начало в мировой литературе прошлого. Начальной эре человеческого разума присуще мифологическое сознание, ставшее со временем основой художественного мышления. В произведениях художественной литературы образная система и сюжеты были сформированы на основе мифов, сыгравших важную роль. Это основание распространяется на один из ведущих художественных методов.

В национальной литературе мифическое сознание, мифологема в художественных целях в большинстве своем становится основой описания.

Цель исследования – показать значимость роли мифов в поэзии, определить разносторонние взаимосвязи поэзии с мифологией, выявить роль мифопоэтики, в качестве изобразительного средства. Научно обосновать духовную взаимосвязанность природы и человека как одного целого с точки зрения анимизма с помощью поэтических метафор и их психологических исследований в художественных текстах. Выявить роль мифологема в поэзии, являющейся основным компонентом в мифосюжете, действующем как интуитивно-эмоциональный образ, собравшим в себе загадки природы.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования является лирика современного казахского поэта Е. Раушанова. Были использованы методы: сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Концептуальные мифопоэтические образы в национально-поэтическом наследии

с давних времен по настоящее время отражают высказывания в сфере освоения художественного направления более сложно и углубленно. Это демонстрирует продолжение традиций в развитии поэзии, перевоплощение древних познаний и превращение в одну из отраслей поэтического мышления.

Согласно мнениям литературных теоретиков эстетическое обоснование поэтической мифологии бывает разных видов. Их можно представить следующим образом:

1) силы природы – мифологический сюжет в образе антропоморфных богов;

2) мотив и отдельные образы – мифологема;

3) мифопоэтические образы, определяемые стихийно [3; 8].

Такой вывод был сделан русским литературоведом Г.Козубовской на основе анализа мифологизмов в поэзии А.А. Фета. В современном литературоведении приводятся различные определения мифологема, о которой будет идти речь в данной статье.

Если согласно одним определениям «Мифологема – составная часть сюжета» [6; 220], то другие опеределения сводятся к тому, что «Мифологема – это интуитивно-эмоциональный образ, посредством которого описываются таинства природы и ее пределов» [1; 36], «Мифологема – результат уточнения и разъяснения обрядов посредством символов, связанных с вероисповеданием» [2; 295]. Обобщая и резюмируя рассмотренные концепции, можно отметить, что все обобщения и заключения по данной теме являются составными частями одного направления, т.е. мифологема – единичный образ, посредством которого выражаются таинства и особенности природы, невиди-

мые простому человеку, истоком которого является мифологическое сознание.

Говоря о поэтическом предназначении мифологии касательно поэзии Е. Раушанова, можно сказать о том, что появляется необходимость рассмотрения мифологем в стихотворениях поэта. В своем творчестве поэт, использовавший широко мифологические сюжеты, в художественных целях, для описания явлений природы, зачастую применял их к описанию национальных обычаев и традиций.

Наверняка вследствие этого понятия о свойствах и святынях представлены в виде образов, которые стали составной частью национальной мифологии еще с древних времен. Один из них – образ лебедя. Хронотоп птицы часто встречается в тюркской мифологии, представляя собой сказочный образ, окутанный ореолом святости и неприкосновенности. В анализе мифического направления в литературе было отмечено, что образ лебедя применяется для описания ее как птицы, которая может обитать во всех трех пространствах. Легенды повествуют о том, что святые люди, обладающие исключительными способностями превращались в лебедей и улетали. Лебедь – птица, о которой сложено много произведений в нашей национальной поэзии. В XV веке мудрый жырау Асан кайгы писал в своих произведениях: *«Лунь – раб птиц – питаясь мышами, линяет, Лебедь – торе птиц – по широкому озеру плавает».*

«Переполено тучами небо/ Хмурый день обольется дождем/ Кружит ястреб, охотой ведом/ На озерах волнуются лебеди/ Одинокий, тоскую ночами/ И душа обольется слезами/ Переполена боли и грусти. Эти строки принадлежат творившему позже Асана кайгы Шалкииз жырау. Жырау, применяя метафоры, создают образ лебедя. Если Асан кайгы использовал образ лебедя для повествования хана Жанибека, то Шалкииз для описания самого себя в момент разговора с би Темиром. В поэме С. Сейфуллина «Разлука лебедя» рассказывается о трагичной судьбе лебедя, потерявшего свою пару, а в поэме М. Макатаева «Когда спят лебеди» повествуется о скорби несчастной матери, которую постигло горе после того, как она стреляла в святых птиц. Поэт, соблюдая данный канонический ряд: *«Человек – природа – творчество*, обособляет свое мифическое творчество уникальным единством этой тройки, связывая лебедя с таинственными силами. В стихотворении Е. Раушанова *«Картина»*, несмотря на то, что в качестве формы повествования взяты явления природы, она целиком представлена в поэтическом выражении:

Лебеди летят,

С цветов стекает роса,

Бесцельно слоняются мрачные тучи,
Все мое тело буквально горит [4; 20].

Известно, что мифическое сознание в период преобладания мифологического мышления считало природу живым духом, у которого есть собственное мышление и сознание. В системе поэтического мышления подобное представление, трансформировавшись, было направлено на различные художественные цели. Поэт изображал творчество – свою музу посредством образа лебедя; он смог выразить в трех строках стихотворного куплета различное состояние своего душевного мира: Если строки *«С цветов стекает роса/ Бесцельно слоняются мрачные тучи»* были метафорой беспокойного, чувствительного душевного мира «я», то строка *«все мое тело буквально горит»* напрямую характеризует психологическое состояние субъекта. В этой связи можно увидеть две стороны поэтического мировоззрения поэта. Одна из них – особенности понимания, восприятия природы, вторая – особенности познания утонченного таинства соотношения природы и человека. Главная характерная черта поэзии Есенгали – уделение первоочередного внимания природе и через повествование различного состояния человеческой души, мышления человека. Это послужило основой «мифологизации» поэтом природы.

Мифологизм в лирике Е. Раушанова – путь, ведущий не только к его целостной поэзии, поэтическим произведениям, но вместе с тем он является проводником к прозе и драматургии поэта. (Имеются ввиду роман Есенгали Раушанова «Рожденная из света» и пьеса «Корабль пророка Нуха», познавательные статьи о птицах). В большинстве стихотворений поэта негласно проявляется мифическое направление. Одним из примеров является данное стихотворение. В этом произведении природа – не просто фон, а таинственный мир, раскрывший бытие субъекта, поэтическое проецирование микрокосма (субъекта) в макрокосме. Лебедь, туча, цветок – мифологемы, у каждой из которых имеется свое второе значение. Среди них первое место отводится лебедю. Стихотворение, являющееся духовной подоплекой желаемого лирического «я» пронизано идеей олицетворения чистоты в образе лебедя.

Крылья – это особенность, по велению Всевышнего присущая птицам, мифическим лошадям и сказочным крылатым коням. Более того, в религиозных рассказах повествуется о людях особого происхождения, которым присущи чудесные божественные свойства – дар Всевышнего. В ре-

лигиозных рассказах они описываются как люди, у которых на спине растут крылья. Следовательно, у крыльев есть таинственные свойства. Крылья, олицетворяющие свободу, высоту, неумное вдохновение, занимают особое место в мировой литературе. Еще в одном стихотворении Есенгали крылья, являющиеся художественной деталью, максимально идеализированы.

О мой мир, вселенная, в тебе увидел я
Только небо:

О, Аллах, поклоняюсь тебе словно раб,
Когда надо мной парят ангелы и птицы
[4, 268].

Ангелы, воспеваемые в религиозной мифологии крылаты, подобно птицам. Поэт посредством символического образа крыльев выражает свое особое желание: «Улетит, не дав мне дотронуться до него / Приветствую твоей дар птицам»; «Однажды неведомое явится к нам / Из небесного мира / Если у меня появятся крылья / Я все равно подарил бы его птице / Говоря о том, что небо – только для тебя». Небо – обитель чистоты, безупречного духа. В своем творчестве он повествует о том, что небо – это обитель не людей, а более возвышенных созданий: ангелов и птиц, только они достойны парить там.

Поэт посредством таких строк: «**Оказывается безгрешная птица, всю жизнь обитающая в вершинах гор, олицетворяющих надменную высоту, непревзойденную красоту, не сможет обитать на мучительно-неприятной, грешной земле. Да, Земля – обитель нас, то есть грешных людей, а на небе жить достойны только ангелы и птицы**» закрепляет свое видение образа птиц [6, 39]. В казахской сказке под названием «Керкула атты Кендебай» дочери феи ищут Кендебая, превратившись в лебедей. Участь одного из лебедей (младшей дочери) напрямую зависит от Кендебая. Если в мифах птица – лебедь символизирует второй образ красивой девушки, то в поэтическом пространстве поэта она представлена с языковой, философской точки зрения в форме святого искусства, которое считается абстрактным искусством. Анализируя мифические направления в художественном аспекте, поэт сформировал «мифическое творчество».

Итак, вернемся к произведению «**Картина**». Образы *степь – природа* и *поэтическая тетрадь* в таких строках, как: «*Сколько бы ни искал – годами не мог найти / Степь дала мне прочитать свою поэтическую тетрадь*» – единство и гармония творчества были описаны согласно восприятию поэта. «*Оказывается в крыльях тех лебедей*» / «*Почему я не родился пером птицы?*» пишет поэт, *вглядываясь в подоплеку единства и гармонии*.

Крыло, подобное перу птицы – мечта души поэта, жаждущего писать все новые произведения. В данном контексте человек, о котором упоминалось выше – раскрывает удивительное единство такой тройки, как *человек – природа – творчество*. Поэт безгранично поклоняется таинственному могуществу творчества (искусства), которое сродни природе, являющейся источником всего живого на земле. Поэт, олицетворяя мечты и искусство, столь необходимые духовному миру в образе святой птицы – лебедя, понимает ее в виде содержания своей сознательной жизни: «*Словно сладкие сны, которые мы видим утром / Живя мечтами и искусством / вот и с шумом обнял он море / Покровитель воды Сулеймен, прошу у тебя помощи*». Лебедь, полностью символизирующий конкретный видимый образ мечты и искусства, обнимает свою обитель – воду (море). Таким образом воспевается соприкосновение духа и искусства, единство душевного мира. Пророк Сулеймен, которому, согласно религиозной мифологии, известен язык птиц и животных, является также и покровителем воды. И спрашивает у Сулеймена поддержки для лебедя, присевшего на воду, определяет и углубляет «мифологизм» стихотворения.

Моделирование стихотворения посредством образа птицы – это традиция, имеющая место в народной поэзии. Поэт Кемпирбай, живший в XIX веке, при смерти сказал такие слова: «*Пятнистая утка выпрыгнула из груди, сказав «прощай» / Я знаю, что птица эта – тот самый мой старый друг – поэзия*». Имеются все основания говорить, что олицетворение в поэзии с духом и образное представление его в форме птицы – своеобразная особенность национальной мифологии. Небо и земля с точки зрения поэта – обитель вечной и временной жизни. Если пятнистая утка, улетающая сказала «прощай», символизирует перемещение духа из временной жизни, то лебедь Есенгали «шумно вбирает море в свои объятия» то есть она находится в этой временной жизни. В мифических сюжетах, которые стали основой для сказок, приземляясь, лебеди на море снимают свои маски и превращаются в девушек, а перед тем, как вернуться обратно, снова превращаются в лебедей. Подобное «перевоплощение» реализуется во взаимосвязи «двух миров». Эти два мира – мир фей и мир людей. Девушки – феи могут перевоплощаться в человека, в красивых девушек. Согласно преданиям, обладатели удивительных качеств, наделенные Аллахом исключительными способностями люди также улетают в облик лебедей. Например, в легенде о Бекете ата говорится

о том, что святой стал нападать на врага в образе лебедя. Имеются также сказания и о том, что души Бекета аты и учителя святого Бекета Бакыржана кажи также являются к нам в образе лебедя. Художественно-познавательные истоки описания поэтического дарования, наделенного Всевышним такими эпитетами, как «пятнистая рябая утка», «лебедь» мы связываем с этими рассказами.

Единство человека с природой является основанием для поэтического повествования аналогии и взаимосвязи. Если обратиться к страницам истории в процессе поэтического воспевания природы сформировались традиции двух направлений. Если первое из них отводит главную роль человеку, рассматривает природу в качестве красивого фона, формы, которая очень точно передает настроение человека, то второе направление рассматривает природу как духовную материю, подобно человеческой сущности, обладающей сознанием и способностью мыслить, т.е. описывается «микрокосмос» под названием человек на уровне макрометафоры. В природной лирике Абая и Пушкина природа в основном представлена в качестве фона. А в лирике Магжана вся сущность субъекта проецируется на природу. Данный художественный метод свойственен также поэзии Ф.И. Тютчева, А.А. Фета. Можно сказать, что описание природы в поэзии Раушанова близко по смысловому содержанию к описанию природы в произведениях вышеназванных поэтов. В начале XX века русский литературовед В.Ф. Саводник предложил ввести в литературный оборот понятие «чувство природы». Данное понятие играет важную роль в мифопоэтизме поэзии, т.к. всем известно, что олицетворение природы с чувственностью, «одушевление» каждой ее формы начинается с анимистской веры, являющейся основой лирического сознания. Единство человека и природы также является одним из источников анимизма. «Капание росы» в описании Есенгали, «бесцельное скитание тяжелых туч» – результат художественного мышления, переходящего в мифопоэтику, которого является лирическое сознание, другими словами это проявление «осознания природы». Поэт, воспевавший лебедя в образе святого искусства в своем стихотворении «Был в том ауле один молодой поэт», характеризует этого поэта следующим образом: «В минуты умиления он уподоблялся ангелу/ Подобно лебедю, улетевшему с озера» [4, 39]. Посредством гармонизации духовной действительности с лебедем, с шумом «обнимающим» море, а в хорошем, игривом настроении улетающим с глади озера, бросив его, поэт раскрывает

новое художественное пространство. В стихотворении Мукагали Макаева, посвященного смерти Толегена есть такие строки: «Воробей что-то звучно щебечет/Совсем рядом с чудовищем под названием смерть». Есенгали несколько усложнил стихотворение «Стих – воробей» Мукагали Макаева; теперь данное стихотворение называется «Стих – лебедь». Святая птица, взаимосвязанная со всеми тремя мирами – мифологема, занявшая почетное место в поэзии поэта, страдавшего из-за своей излишней мягкости, незащитности от зла. *«Казахские птицеловы» никогда не охотятся на лебедей, мы никогда не слышали, что чей-то беркут или ястреб поймал лебедя, и мы даже не хотим и слышать такое*» говорится в познавательной статье о лебедях. Согласно сведениям, приведенным в данной статье, оказывается, что змея, питающаяся яйцами, вообще не трогает яйца лебедей [5, 9].

«Раненый лебедь» – это произведение поэта, повествующее о состоянии духовной сущности на основе мифов создает художественное наслоение. В народных преданиях, связанных с поверьями говорится: «Наверно, хочет подстрелить лебедя». В стихотворении данный запрет выражается следующим образом: *«Говорят, что не повезет тому, кто пойдет обратно/говорят, что рука сломается у того, кто в тебя будет стрелять»* [4, 91]. Поверие относительно того, что нарушение национальных традиций и обычаев, тотемных положений приводит к плачевным последствиям, приводится в стихотворении в таких строках, как «Тому, кто возвращается обратно не повезет». Идти назад, возвращаться мыслями в прошлое не предвещает ничего хорошего, это действия, которые ведут только к разрушению. Ранение чистой, духовно возвышенной птицы, которую обычно воспевают в виде олицетворения святости, таинственного мира от рук «паршивого стрельца» и пронзительный смех этого бесщедкого стрельца, совершившего непростительный проступок – свидетельство того, что в данном случае не было оценено по достоинству олицетворение святого на земле и законы брэнного, материального существования одержали верх над духовностью этого мира. Пренебрежение, забвение национальных, даже человеческих духовных ценностей с точки зрения брэнного мира показано в данном стихотворении посредством выстрела стрельца в лебедя. Стрелец несколько не опасается последствий своего подобного бесчеловечного поступка. Если герой поэмы Мукагали Макаева «Когда лебеди спят» стреляет в лебедя от безысходности, скрепя сердце, мучаясь от угрызений

совести, то стрелец, описываемый в произведении Есенгали, выстрелил в эту птицу осознанно, следуя внутреннему спокойствию своей черной души. Если в первом куплете описывается действие стрельца, состояние одинокого лебедя, отставшего от своей стаи, то во втором куплете показано впечатление лирического действующего лица, воспринявшего лебедя в образе безупречной духовной действительности:

Хоть проклинай теперь стрельца, хоть укоряй озеро,

Все равно теперь не увидишь света белого.

Хотел написать о том, что пуля, выстреленная

В красоту, ранила поэта [4, 91].

«Белый свет», который теперь не увидит лебедь – это время, когда лебедь был уважаем и почитаем людьми, когда он не ожидала вредоносного поступка от людей, не думал, что в него кто-то выстрелит. В эпосе «Кыз Жибек» Толеген, раненный пулей Бекежана, прощается с шестью гусями в урочище горы Кособа. Монолог Толегена посвящен шести гусям, а Есенгали обращается к раненому лебедю. В дастане о любви отмечается духовное единство между человеком и птицей. Имеется множество примеров тому, что откровения с птицей, признание ее близкой своему духу является одним из направлений, сформировавшихся в национальной мифопоэтической системе.

«Замечаем ли мы тот факт, что мы, дети казахов, которые сложили такие пословицы, как «В лебедях не стреляют», «Озеро, в котором плавают лебедь – красивое», «Уместно ли нахождение совы рядом с лебедем?», «Не стреляй в лебедя – будешь проклят ее ангелом-хранителем», «Будешь дружить с лебедем – будет чисто и безупречно место, где ты ходишь», «И гусь бел, да не лебедь» в последние десять – пятнадцать лет очень сильно изменились? «Народ твой научит торговать, но наряду с торговлей твой народ посетят и враги», – говорил Жары Матжан би. С развитием торговли были попорчены наши духовные ценности, в которые не то чтобы стрелять, косо смотреть на которые боялись наши предки до седьмого колена. Что это за враг, который пришел к нам наряду с торговлей? Не кто, а что это? Это – в первую очередь наше человеческое вождление» [5, 15] – эта мысль поэта описана в поэтическом русле рассматриваемого произведения. Душа поэта, раненого пулей, выстреленной в лебедя, глубоко осознавала тот факт, что душа его является составной частью национального духа, оберегаемых ценностей. «Паршивый стрелец», выраженный в форме вождле-

ния своим надменным смехом раскрыл свое намерение, всю свою духовную сущность. Преобладание выражения человеческого вождления над человеческим духом в виде выстрела в лебедя является примером того, что поэт может выразить свою мысль не просто словами, а посредством конкретных жизненных примеров. Жертвой борьбы между добром и злом становится моральная чистота, выраженная в виде лебедя. Однако та сама доброта является как раз таки и пищей и опорой человеческого духа. Поэт, перу которого принадлежат такие строки: *«Упрямство и острота в стихах / Прижала меня к себе и стала лечить»* глубоко осознавал тот факт, что спасательная сила на человеческом пространстве – это духовность. Понятие «предопределенность» религиозного направления еще более раскрыло мистическую сущность лебедя.

Для того, чтобы получить тяжелое предначертание в своей жизни

Достаточно запачканного кровью крыла птицы.

А также нужен черный пьедестал,

Способный выдержать любой натиск урагана [4, 91].

Таким образом была воспета горькая действительность, которую познал чувствительный внутренний мир поэта. Для того чтобы судьба человека была предопределена, необходимо и достаточно испорченного крыла птицы, являющейся символом свободы духа. Лебедь, которая стала одной из метафор такого святого искусства, как поэзия стала одним из поэтических образов, почитаемых и уважаемых с точки зрения художественного восприятия и не лишенных своей сущности несмотря на то, что очень много ей приходится страдать от кощунства людей, описанного в произведениях, вместе с тем образ лебедя является очень трагичным. Сущность лебедя, подвигающий к таинственному миру святости, духовным ценностям, являющийся символом чистоты, безупречного духа широко был воспет в художественной литературе при упоминании феномена мечты, а также других художественных аспектов.

Список литературы

1. Афанасьева В.К. Предание, этиологический миф и мифологема в шумерской литературе // Жизнь мифа в античности: материалы науч. конф. «Випперовские чтения». – 1985. – Вып. 18. – М., 1988. – Ч 1. – С. 35–38.
2. Брагинская М.В. Трагедия и ритуал у Вяч. Иванова // Архаический ритуал в фольклорных и ранне литературных памятниках. – М., 1988. – С. 293–297.
3. Козубовская Г.П. Поэзия А.А. Фета и мифология. – Барнаул, 2004. – 245 с.
4. Раушанов Е. Бозанга біткен боз жусан. – Алматы: Раушанов, 2006. – 384 бет.
5. Раушанов Е. Құстар – біздің досымыз. – Алматы: «Жазушы», 2007. – 256 бет.
6. Ушаков Д.Н. Толковый словарь Русского языка. В 4 т. – Т 2. – М., 1945. – С. 220–221.